

Ф. И. БУЛГАКОВ

Теория и практика новейшего социализма

<Фрагмент>

Революционный социализм за последние двадцать лет раскинулся по Европе в таких разнокалиберных формах, в виде социалистических групп и партий, крупных и мелких, разноцветных и совсем бесцветных, что определить степень их родства между собой и значение каждой из них во взаимодействии с остальными представляется весьма затруднительным даже для патентованных политиков. Такой пробел в истории современного общества может быть отчасти пополнен недавно напечатанным в Париже исследованием Поля Страусса «Les parties socialistes». Автор делает обзор социалистических элементов, уже сложившихся в партии с особыми титулами. Как возникали эти партии, как зачалась и расширялась партия анархизма — эти вопросы Страусс изучил документально и разрешает весьма удачно. Изложение здесь чуждо полемического характера и автор с беспристрастием психолога разбирает данное явление. Но прежде чем воспользоваться любопытным материалом из его критического обзора, нам бы хотелось обратить внимание на некоторый пробел в исследованиях литературной истории новейшего социализма. <...>

V

Анархистское движение и происхождение нигилизма

Южная федерация возникла после конгресса в Сент-Имье в 1870 г.¹ Первыми делегатами, объявившими свою волю организовать международное единство путем свободной федерации автономных групп, были швейцарцы Швицгелль и Гилльом,

Ю. Жуковский и француз Жюль Гед. Деятельность Бакунина распространилась тогда на Испанию, Италию и Бельгию. «Федерация испанская» и «федерация итальянская» составились в виде оппозиции Марксу. Вопрос о принципах с тех пор вытесняется вопросом о личностях. Конгресс в Римини (4–6 августа 1872 г.) принял резолюцию, которой объявлялся разрыв его с главным советом. Это решение оправдывалось, кажется, разногласием в доктринах. Лондонской конференции (сентября 1871 г.) приписывалась попытка навязать всей международной ассоциации рабочих специальную доктрину, централизаторскую, которая есть, собственно говоря, доктрина немецкой коммунистической партии. В 1872 г., как уже сказано выше, делегаты диссидентских федераций, испанской, итальянской, южно-американской и французской, составили «акт дружбы, солидарности и взаимной обороны». На конгрессе в Сент-Имье, сверх того, было объявлено, что: 1) «уничтожение всякой политической власти есть первая обязанность пролетариата; 2) всякая организация политической власти, так называемой временной и революционной, с целью достигнуть этого уничтожения, может быть только лишним обманом и столь же губельна, как и все ныне существующие власти, 3) отвергая всякий компромисс для достижения социальной революции, пролетарии всех стран должны установить, вне всякой будущей политики, солидарность революционной деятельности». С 1869 г. итальянский депутат Фанелли был командирован Бакуниным в Испанию для вербовки рекрутов «союзу». Борьба, которая велась в Швейцарии между Марксом и его соперником, в тождественной форме началась и в Испании. В среде интернационаля возникли две группы. Обе враждебные группы вступили в бой. Конгресс в Кордове (25 декабря 1872 г. и 2 января 1873 г.), отказался признать резолюцию гагского конгресса. Тоже было и в Бельгии. Происходила оппозиционная сходка и в Лондоне. Главный совет должен был объявить отлучение относительно местных федераций, секций и лиц, принимавших участие в конгрессах и на собраниях в Брюсселе, Кордове и Лондоне. Одним из предложений к разногласию «союза» с интернационалом послужила резолюция лондонской конференции насчет рабочей партии. Карл Маркс и его друзья считали нужным для пролетариев участие в политической борьбе. Так, в Германии, под искусным руководством Бебеля и Либкнехта, социалисты подготовляли

себе последователей, принимая участие в дебатах всеобщей подачи голосов.

Анархистская программа не согласовалась с таким образом действий. Поэтому и секции, закрепощенные Бакуниным в Испании, Италии и Швейцарии, высказались в пользу политическая безучастия рабочих классов. Анархизм с воздержанием от политики сделался первым пунктом веры всех раскольников. Но почему именно Бакунин, зачинщик нападения на Лионскую ратушу 28-го сентября 1870 г.², признал теперь необходимым безусловное воздержание от политики, это остается необъяснимым. Главное заключается в том, что почин в анархизме одинаково в России и Европе принадлежит Бакунину, этому «папе Мишелю», как его величали его противники. Под каким же влиянием сложились доктрины этого «папы Мишеля?»

Несомненно, в молодости Бакунин увлекся теориями Прудона, как и вообще Франция служила исходным пунктом всякой революционной пропаганды в Европе. Немецкий социализм, как он выработан Ротбертусом, Марксом и Лассалем, коренится почти исключительно на французских теориях. Карл Маркс не отказался признать это открыто. Фурье, Кабэ, Луи Блан, Прудон, Бланки — вот их воспитатели. И основой нигилизма, как его понимал Бакунин, послужила «анархия» Прудона. Прежде всего поражает масса заимствований, почерпнутых Бакуниным у Прудона. Известно также, что Бакунин посещал Прудона в Париже в 1847 году. Он видел его потом в Брюсселе, во время эмигрирования французского писателя. Любопытен также следующий факт: полковник Соколов, тогда еще состоявший при русском посольстве в Пекине, нарочито приехал в Европу, чтоб повидаться в Брюсселе с Прудоном и Бакуниным.

Прудон очень любил Герцена, который не замедлил разойтись с Бакуниным. И, несмотря на свою дружбу с Герценом, Прудон писал ему 15-го марта 1860 г. («Correspondance», t. IX, p. 347): «мы служим одному и тому же делу, но будем работать каждый сам по себе и на свой лад для общего дела». Таким образом, помимо воли Прудона, политически анархизм шел от него. Безансонский мыслитель³ ужаснулся бы, если бы мог видеть революционную жатву, какую принесли его метафизические воззрения.

Быть может, Бакунин никогда бы не нападал с таким пылом на власть и государство, не столкнулся он с Карлом Марксом.

Герцен, подобно Прудону, был умеренным в текущей политике. И когда Бакунин стал агитировать в России, Герцен писал: «Не верю серьезно людям, которые предпочитают разрушение и грубую силу развитию и компромиссам».

Что касается революционного движения в России, то автор этюдов о социалистических партиях различает два периода: один до указа об освобождении крестьян и другой — после него. Социалисты критиковали реформу, как недостаточную; партия Герцена торжествовала, видя в реформе зарю прогресса и возрождения. Бакунин начал с того, что причислился к партии Герцена. По примеру Герцена, он поднял в Женеве тост за царя-освободителя⁴. Это впоследствии ставилось ему в вину марксистами; его называли умеренным. После указа 1861 г. пропаганда Герцена была исчерпана. Его деятельность сменилась влиянием Бакунина.

Процесс Нечаева в 1871 г. обнаружил влияние Бакунина и в России. Этот лазутчик «папы Мишеля» явился в Женеву в 1869 г., выдавая себя за беглеца. Бакунин был его покровителем и крестным отцом. Они вместе составили прокламацию к студентам. Последним советовалось бросать школы и поменьше заботиться о науке, «именем которой вас-де хотят связать». Основан был специальный отдел «союза» под именем «Общества народного суда»⁵; распространялись анонимные брошюры. В одной из них Бакунин взывает к помощи русских разбойников, как пособников революции; в других он проповедует всеобщее разрушение. Именно в «принципах революции», сообразно с тайными статутами «союза», папа Мишель рекомендует все разрушить для достижения «нового аморфизма». Эта брошюра курьезнейшая из всех. Бакунин рекомендует в ней систематическое убийство, он обязывает, под страхом смертной казни, русских эмигрантов вернуться в Россию в качестве революционных агентов, исключая тех, кто объявил себя «деятелем революции европейской». Это ловкое ограничение внесено для того, чтобы разрешить самому главе «международных братьев» пребывание в Женеве или Невшателе. В этой прокламации имеются неслыханные советы: «Не допуская никакой иной деятельности, кроме разрушительной, мы признаем, что формы, в каких должна выражаться эта деятельность, могут быть чрезвычайно различные: яд, кинжал, петля и пр. Революция санкционирует всё без различия». Такой совет характеризует

революционную анархию. Секта не стесняется требованиями нравственности или справедливости. Есть только одно правило, верховное и все санкционирующее: «революция санкционирует всё без различия». Такова же была мораль и иезуитов. По мнению этих первых нигилистов, всеразрушение началось покушением 1866 г.

Замечательно, что не все эти публикации, предназначавшиеся для разного калибра читателей, исполнены такого цинизма. Учредители анархии были довольно ловки, чтобы не применяться к «предрассудкам» своих западных сторонников. Французские брошюры, тайные статуты международных собратьев написаны с некоторой сдержанностью. Новоявленный нигилизм выступает со своей истинной физиономией лишь в тайных публикациях, предназначенных для посвященных из русских. Резкость выражений равносильна в них разве чудовищности идей.

С точки зрения политической Бакунин является в России коммунистом в то время, как в Европе объявляет себя коллективистом. Русский нигилизм сложился, подобно западному анархизму, под влиянием и под действием Бакунина. Во Франции анархистские доктрины его нашли последователя и распространителя в лице Элизе Реклю. Ученый географ был увлечен этими доктринами в силу некоторых мистических и сентиментальных тенденций. По смерти Бакунина, сто «братьев международных», сгруппированные гроссмейстером анархизма, как власть темная и направляющая, имела во главе Поля Брусса, французского эмигранта, Крапоткина, Андреа Косту, итальянского эмигранта, и самым деятельным агентом своим Элизе Реклю. В самое последнее время французские анархисты лишились и этих руководителей.

Нет надобности следить за дальнейшим обзором разных революционных групп, какой находим у Страусса. Эти группы суть отпрыски выше охарактеризованных основных партий. Но нельзя не заметить, что из всех социалистических и революционных сил наибольшим кредитом пользуются possibilists⁶, которые строго дисциплинированы и стремятся предоставить рабочим управление в синдикальных палатах. Орган их «Proletariat», редактируется наподобие официальной газеты. «Национальный комитет» регулярно печатает протоколы своих заседаний, решения комитета объявляются напо-

добие законодательных актов. Только такая свобода действия социалистических групп, свобода печати и сходов, открыли возможность оценить их действительное значение и прийти к выводу, что революционные партии сами себя истребляют взаимным соперничеством и, независимо от их влияния, силы рабочей партии крепнут и направляются на улучшение экономического положения трудящихся классов, не в ущерб развитию и благосостоянию государства.

